

УДК 316.74

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ СМЫСЛА РЕЛИГИИ

Жукоцкая Зинаида Романовна, Жукоцкий Владимир Дмитриевич,
БИП-Институт правоведения (г. Могилев, Беларусь)

Анализируется универсальность общественной функции религии, благодаря которой раскрывается духовно-практическая связь между людьми.

«Религия человека это некий социальный костюм, который можно снять и переменить. Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человеком» (Питирим Сорокин).

Общественная функция религии не менее значима и универсальна, чем личностная. Обозначенные К. Марксом принципы социологического подхода к религии, понимания ее сущности и оценки ее форм с позиций общественного и классового служения, получили свое детальное рассмотрение в специальной социологической теории религии Э. Дюркгейма. Свободный от политических пристрастий, он сумел довести применение этих принципов до логического конца.

«Конкретизируя подход Дюркгейма, – пишет Д.В. Пивоваров, – и объединяя социологический и гносеологический аспекты исследования религии, можно дать следующее определение. Религия есть специфическая *духовно-практическая связь* между людьми, основанная на *священном* отношении к таким ценностям, которые признаются людьми наиболее важными для укрепления единства их *сообщества* и освоение которых становится самым *глубоким смыслом жизни* исповедующих такую веру индивидов» (Курсив – В.Ж.) [1, с. 68].

В том виде, в котором дано это очень важное определение, остается неясной степень различия между «духовно-практической связью», которую устанавливает религия, и тем «сообществом», единство которого она призвана укреплять. Возможны два варианта разрешения этой коллизии. Первый связан с установлением отношения тождества между ними, и тогда религия предстает как самодостаточное образование, культивирующее свою целостность и свою социальную связь из самой себя: она сама есть то сообщество, которое призвана укреплять. Этот вариант восходит к интенциям богословской мысли П. Флоренского, согласно которой не культура порождает ту или иную форму религии, а, напротив, конкретная форма религии продуцирует всю полноту духовной культуры [2, с. 31-45].

Второй вариант связан с установлением отношения различия между ними, причем сообщество выступает как реальный социальный коллектив, существующий до и независимо от какой-либо религиозной формы, и тогда религия выступает простым инструментом для обслуживания насущной потребности сообщества в единстве. При этом отличить религию от идеологии уже не представляется возможным.

Очевидно, что ни первый, ни второй вариант в чистом виде не подходит для целей философского анализа, хотя сама заданность двух полюсов говорит о многом, например, о направлении поиска комбинации синтеза. В ней, безусловно, присутствуют и «*постижение единства мира*» и «*укрепление солидарности людей*» в условиях их фактической разорванности. При этом проблема *всеобщей солидарности*, как и проблема *всеобщего постижения мира*, отодвигается на второй план, поскольку заранее известно, что создание универсальной религиозной формы, именно как *формы*, примиряющей всех, невозможно. Этот параметр всеобщего религиозного измерения человека восходит к самой целостности духовной (и материальной) культуры, а его опора на ту или иную религиозную форму из абсолютной становится относительной.

Для того, чтобы разрешить этот вопрос, следует учесть, что социальное выступает не только способом и формой существования религии, показателем ее функциональности, но и непосредственным предметом религиозного восприятия. Социальное стоит не только на выходе, но и на входе в епархию религиозности. Более того, социальное является важнейшей составляющей самого религиозного измерения человека, одной из тех характеристик субъект-объект-субъектного отношения, которые выходят за рамки непосредственно межличностного отношения и восходят к восприятию их синтеза – *субъектного качества*.

Сила и мощь *единого коллективного действия* становятся важнейшим объектом религиозного поклонения. Можно сказать, что если бы никаких других объектов религиозного восприятия, кроме этого, не существовало, то и тогда религиозное измерение человека состоялось бы в своих основных параметрах. Новое качество, которое приобретается силой кооперации, соединением усилий множества людей в одно деяние, явно больше механической суммы индивидуальных усилий. Оно приходит из *иного* мира сверхчувственного, но его нельзя не заметить. И если это качество интегральной коллективности, как *живого духа* сообщества, очевидно для всех в самом коллективном труде, то почему не попытаться воспроизвести его, так сказать, в чистом виде, в специально нацеленном на это коллективном действии, *ритуале*, в котором это неуловимое качество будет ожидаемым, специально означенным и освященным?

Так рождается первобытная религия, основные черты которой с необходимостью сохраняются во всех ее последующих формах. Вот почему подытоживая анализ дюркгеймовской социологической теории религии, Питирим Сорокин со всей основательностью отмечает, что она указывает «достаточно верно на источник, сущность и основные формы религиозного бытия, показывая, что *прототипом божества является коллектив*, а прототипом свойств божества – свойства социальной группы». «Из этого понимания следует, что *роль религии состояла в укреплении социальной солидарности членов группы; будучи продуктом этой солидарности*, она рикошетом действовала на эту солидарность, прочнее закрепляя межиндивидуальные отношения и создавая из суммы индивидов одно социальное единство» [3, с. 46].

Таким образом, мы убеждаемся, что итоговый вывод об «укреплении социальной солидарности» посредством религии недостаточен, если его не предварают решающая в данном случае посыл о том, что «прототипом божества является коллектив». Это значит, что *социальная природа человека культивирует религию, а не наоборот*, что решающим в образовании религиозного образа действительной сверхчувственной реальности являются не беспредметные фантазии беспомощного перед лицом природы человека, а вполне предметное восприятие мощи и силы коллективного человека. Этот вывод особенно важен для понимания природы светской *религии советизма*.

Литература

1. Пивоваров, Д.В. Религия: сущность и обновление / Д. В. Пивоваров // Философские науки. – 1992. – № 2. – С. 62–73.
2. Флоренский, П. Записки о христианстве (Публикация) / П. Флоренский // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1994. – С. 31–45.
3. Сорокин, П.А. Социологическая теория религии / П. А. Сорокин // Заветы – 1914. – № 3. – С. 46–54.